

"Что не сожгут, то разрушат". Новый закон против памятников архитектуры

Север.Реалии

4 часа(-ов) назад

 Приоритетный источник в Google

Россия - Архангельск, дом Брагина, памятник архитектуры. Май 2023 года.

26 июля Владимир Путин [подписал закон № 262-ФЗ](#), передающий властям регионов право исключать из государственного реестра памятники регионального и муниципального значения. За день до этого глава новосибирского отделения [ВООПИиК](#) Наталья Шамина объявила голодовку у памятника Кириллу и Мефодию в Москве. Полиция задержала ее и отправила в психиатрическую больницу. В Новосибирске голодовку против того же закона объявила ее коллега Людмила Матросова.

Сам по себе новый закон не разрешает сразу сносить памятники: историко-культурная экспертиза и согласование с Министерством культуры остаются обязательными. Но акт об исключении объекта из реестра теперь будет принимать правительство того самого региона, где требующее реставрации историческое здание часто занимает перспективный участок земли в центре города.

– Это ужасно. Так делать нельзя, – говорит псковский краевед и градозащитник **Алексей Орлов** (*мы меняем фамилии собеседников из соображений их безопасности – СР*). – Мы живем в бюрократическом государстве, и раньше, пока вопрос рассматривали несколько инстанций, в том числе федеральное правительство, оставался шанс, что процесс хотя бы затянется из-за этих бюрократических цепочек. Теперь даже этот барьер убран. Местным властям будет гораздо проще принимать решение об исключении того или иного объекта.

Голодовка за наследие

С 22 по 25 июля представители трех региональных отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры провели одиночные пикеты в центре Москвы. Они требовали, чтобы Путин не подписывал уже одобренный Госдумой и Советом Федерации закон. Наталья Шамина выходила с плакатом к администрации президента. 24 июля ее задержали, но после освобождения она вернулась на Старую площадь и продолжила протест.

На следующий день Шамина села у памятника Кириллу и Мефодию с плакатом "Голодовка за наследие". Она собиралась провести там ночь, но полицейские увезли ее сначала в отдел "Китай-город", а затем в психиатрическую больницу имени Алексеева. После госпитализации связь с ней пропала. Передачу, которую попытались принести волонтеры, в больнице не приняли.

По словам градозащитника Игоря Кочеткова, в больнице Шамину привязывали к кровати и насильно вводили ей препараты: объявленную голодовку врачи расценили как попытку самоубийства. 27 июля суд отказался санкционировать принудительное лечение, не увидев для него оснований, и Шамину отпустили. Через два дня она заявила, что при необходимости повторила бы свой протест.

Шамина – доктор биологических наук. В градозащитное движение она пришла в середине 2000-х, когда сотрудники новосибирского Академгородка выступили против вырубки лесов под строительство технопарка. С 2016 года она возглавляет новосибирское отделение ВООПИиК. Одним из последних конфликтов, которыми занималась Шамина, стала судьба Военного городка – комплекса зданий начала XX века, часть которого власти намеревались освободить под новую застройку.

Одновременно с Шаминой голодовку объявила член новосибирского ВООПИиК Людмила Матросова. Она вышла на одиночный пикет в Новосибирске и заявила о начале трехдневной сухой голодовки.

"Разрушается возможность единой политики"

В России старинные здания делятся на федеральные, региональные и муниципальные памятники – в зависимости от их исторического и культурного значения. До сих пор исключить из Единого государственного реестра объектов культурного наследия памятник любого уровня можно было только решением правительства России. Теперь эта процедура полностью сохраняется только для федеральных памятников. Региональные и муниципальные объекты исключать из реестра теперь сможет высший исполнительный орган субъекта федерации.

Формальные основания для исключения остаются те же: полная физическая утрата памятника или утрата им историко-культурного значения. Однако второе основание трактуется довольно широко. Один эксперт увидит в полуразрушенном доме редкий образец городской застройки XIX века, другой – потерявшие всякую ценность руины.

Авторы законопроекта утверждают, что памятники не останутся без защиты. Дескать, регионы и прежде принимали решения о включении региональных и муниципальных объектов в реестр, поэтому логично передать им и обратное полномочие.

В пояснительной записке главным недостатком прежней системы названа продолжительность процедуры. Глава думского комитета по культуре Ольга Казакова также говорила, что в реестре остаются около 3,7 тыс физически утраченных памятников, для исключения которых приходится проходить громоздкую федеральную процедуру. По данным Минкульта, весной 2026 года в российском реестре насчитывалось около 160 тысяч объектов, 83,2 тысячи из них – регионального значения.

ВООПИиК, "Архнадзор" и другие градозащитные организации настаивают, что памятник – это общенациональное наследие независимо от присвоенной ему категории.

"Сам охранный статус абсолютного большинства охраняемых законом памятников истории и культуры России окажется выведен из-под федерального контроля, а решения об их исключении из Единого государственного реестра объектов культурного наследия будут приниматься региональными властями исходя из местных критериев, по субъективным локальным обстоятельствам и причинам. Тем самым разрушается сама возможность проведения единой федеральной государственной политики в области сохранения культурного наследия", – говорится в публичном обращении "Архнадзора", опубликованном до окончательного принятия закона.

Закон вступит в силу через 180 дней после официального опубликования – в январе 2027 года.

"Разобрали до основания"

На улице Герцена, 13 в Пскове сейчас трудно увидеть дом. В зарослях угадываются фундамент и фрагменты первого этажа. Но в государственном реестре объект по-прежнему существует под названием "Дом жилой Оглоблиной Л. И." – памятник регионального значения конца XIX – начала XX века.

– Дом разобрали почти до основания. Кирпичи аккуратно сложили рядом – как будто их можно будет использовать при восстановлении, – вспоминает Алексей Орлов. – Но кирпичи растащили местные жители. По-моему, от той горки уже ничего не осталось. Это очень печальная история.

Дом жилой Оглоблиной - еще до окончательного разбора

Последних жильцов отселили в 2004 году. В 2005-м город передал здание частному владельцу. В 2011 году был согласован проект реставрации. Дом оставался без окон и полов, частично обрушились перекрытия, однако специалисты считали кирпичные стены пригодными для восстановления.

Вместо реставрации собственник разобрал верхний этаж и значительную часть стен, после чего работы остановились. В июне 2012 года дом разобрали по кирпичику почти до основания. Владельца оштрафовали на 1500 рублей. Позднее

здание несколько раз перепродавали, и сроки исполнения охранных обязательств приходилось устанавливать для каждого нового собственника заново.

В 2021 году суд обязал владельцев законсервировать сохранившиеся части дома и разработать новый проект реставрации. Предписание исполнено не было. Один из собственников заказал экспертизу, авторы которой предложили исключить памятник из реестра. Они оценили его физическую утрату в 90–95% и заявили, что дом не обладает достаточной историко-культурной ценностью.

Минкульт не согласился с заключением экспертов, указав, что плохое состояние памятника требует его сохранения, а не исключения из реестра. Там остались фундамент, часть первого этажа, подлинный кирпич, обмеры и старые фотографии, по которым здание можно восстановить.

19 мая 2025 года Псковский городской суд по иску областного комитета охраны наследия принял решение об изъятии дома у владельцев и продаже на публичных торгах. Однако в открытых источниках Север.Реалии не нашли сообщения о состоявшемся аукционе или завершившемся переходе права собственности. Из реестра объектов культурного наследия дом Оглоблиной не исключен.

На старых фотографиях это скромный двухэтажный дом с кирпичным первым и деревянным вторым этажом. Не палаты и не дворец. Для неспециалиста – особенно после разборки – его ценность, скорее всего, неочевидна. Специалисты поясняют: дом стоял у входа на Гремячую гору, рядом с башней XVI века и церковью Косьмы и Дамиана, и обозначал границу старой улицы. А также показывал масштаб обычной жилой застройки рядом с древней крепостью.

– Дом Оглоблиной давал представление о том, как выглядела рядовая застройка того периода, где проходила улица и где была проезжая часть, – объясняет Алексей Орлов. – Он стоял у въезда на Гремячую гору и показывал горловину входа – между нижней стеной и склоном к реке Пскове. Когда-то там находилась квадратная въездная башня с проездными воротами. Дом стоял буквально рядом с тем местом, где была эта башня.

Дом Оглоблиной – не один такой пример в Пскове. Деревянный особняк на Красных Партизан, 13 еще в начале 2000-х выглядел крепким и пригодным для жизни, но затем пережил несколько пожаров и теперь это руины: "Дом почти уничтожен – по сути, уже нечего восстанавливать", – говорит Орлов. В 2025 году областные власти в очередной раз сообщили о появлении инвестора, но результата пока не видно.

Дом Дерюгиной, улица Красных партизан, 13, Псков

А еще один памятник архитектуры – Усадьбу Беклешова отреставрировали и открыли в ней туристический центр, однако во время работ практически полностью заменили деревянную верхнюю часть здания. Для чиновников это спасенный памятник, для части градозащитников – новодел на историческом основании. Дом Бабинина снесли бульдозером, но построили в новых материалах и торжественно прибили табличку: памятник. От исторического здания, памятника регионального значения по Детской, 4 тоже осталась одна брандмауэрная стена – но новое строительство тоже называют "реставрацией", отмечает псковский краевед.

– И до нового закона у нас особенно не церемонились с памятниками, – говорит Алексей Орлов. – Посмотрите, как идет так называемая "реставрация": памятник зачастую сносят, а на его месте возводят абсолютный новодел. Потом вешают табличку, что это объект культурного наследия. Новый закон еще ухудшит ситуацию. Но она и сейчас достаточно печальна.

|"Мы потеряем не только дома"

Такие дома в профессиональной среде называют средовой застройкой. Их ценность – не обязательно в необычном фасаде или известных именах, с ними связанных. Они сохраняют масштаб улицы, границы кварталов, старую линию фасадов и расстояние между домами. Иногда именно благодаря им можно понять, где раньше шла дорога и как был устроен город.

– На перекрестке улиц Герцена и Леона Поземского стоит красный кирпичный дом, который принадлежал крестьянину Степанову, – приводит псковский пример Орлов. – У людей это вызывает удивление: мы привыкли считать крестьян бедным слоем, а здесь – каменный дом крестьянина Степанова. Может быть, сам по себе он не представляет большой архитектурной ценности. Но рядом находятся еще несколько домов. Вместе они показывают, какой была застройка конца XIX – начала XX века. Это уже не один домик, а целая улица. Это и есть средовая застройка.

Один сохранившийся дом показывает линию улицы. Несколько соседних – ее ширину и ритм. Лавка, флигель, школа и фабричный корпус рассказывают, кто здесь жил, работал и торговал. Если в городе оставить только церковь или дворец, окруженные новыми многоэтажками, дух истории вокруг исчезнет.

– В Карелии свозили деревянные дома со всего региона, чтобы создать квартал исторической застройки и показать, как жили люди, – говорит Алексей Орлов. – В Пскове ничего свозить не надо: дома стоят на своих местах. Без этих домов мы плохо представляем, как все было устроено.

Венецианская хартия 1964 года требует сохранять не только памятник, но и его традиционное окружение. Рекомендация ЮНЕСКО 1976 года рассматривает исторический район и его окружение как единое целое. Рекомендация ЮНЕСКО об историческом городском ландшафте 2011 года предлагает видеть городское наследие как систему, куда входят не только выдающиеся здания, но и жилые кварталы, уличная сеть, общественные пространства, рельеф и привычные способы использования города. Логика охранного законодательства в том, что каждый объект не оценивается изолированно: красив ли он сам по себе и достаточно ли подлинных стен сохранилось. Отдельный памятник может производить впечатление "барака" или "халупы", но их совокупность воспроизводит подлинную историческую атмосферу.

Воссозданный из новых материалов Дом Бабинина, Псков

Особенно важна средовая застройка для городов, возникших или переживших расцвет в XVIII-XIX веках. Часто там нет дворцов и крепостей, но есть сотни обычных домов, усадеб, лавок, училищ, фабрик и складов, которые и создают узнаваемый облик города. Как правило, у них региональный или муниципальный охранный статус – а значит, они попадают под действие нового закона.

Государственные ведомства в регионах уже тратят деньги на подготовку экспертиз, необходимых для разгрузки списков охраны.

В июне 2025 года комитет по охране и использованию историко-культурного наследия Тюменской области объявил конкурс стоимостью 2,04 миллиона рублей на экспертизу документов, обосновывающих исключение объектов из реестра. Контракт заключили за 1,3 миллиона. В августе появился заказ с начальной ценой 9,17 миллиона рублей, контракт подписали за 9,1 миллиона. В плане закупок на 2027 год на такие экспертизы предусмотрено еще 1,82 миллиона рублей.

В марте 2026 года территориальное управление Росимущества в Иркутской области заказало аналогичную экспертизу с начальной ценой 900 тысяч рублей. Работы должны быть завершены до ноября 2026 года.

Конечно, эксперты могут прийти к выводу, что памятники следует оставить в реестре. Но могут и решить иначе.

Кто следующий

В разных городах России уже идут споры, в которых состояние памятника, интерес собственника и стоимость земли сталкиваются друг с другом.

Екатеринбург, проспект Ленина, 79. Бывшее здание химико-технологического факультета Уральского лесотехнического института построили в 1933 году. Оно имеет статус памятника конструктивизма регионального значения. В 2025 году объект приобрела компания "Ривьера-Инвест-Екб", обещавшая приспособить его для современного использования. Позднее по заказу владельца была подготовлена экспертиза об исключении здания из реестра. Ее авторы заявили, что памятник утратил более 72% первоначального облика, и **направили заключение в Минкульт**. Публичного сообщения об окончательном решении к концу июля 2026 года не было.

Томск, улица Белинского, 23. Деревянный дом, построенный в 1911 году и связанный с именем архитектора Викентия Оржешко, имеет региональный статус. В начале 2000-х его передали частному инвестору с обязательством восстановить, но здание продолжало разрушаться. Публичной экспертизы об исключении дома из реестра пока нет. Однако томские градозащитники **называют его одним из первых возможных кандидатов**.

Уфа, дом Гуревичей и гостиница "Эрмитаж". Эти здания были признаны выявленными объектами наследия, но еще не успели получить окончательный региональный статус. Застройщик "Пушкин", планирующий жилой квартал, оспорил приказы Башкульта наследия. Суд **приостановил действие приказов** и временно запретил включать здания в региональный реестр.

Ростов-на-Дону, доходный дом Чернова. Этот конфликт пока закончился в пользу памятника. Владелец здания на Буденновском проспекте планировал построить на его месте десятиэтажный торгово-деловой центр. После включения дома в региональный реестр компания "Новотекс" попыталась оспорить его статус, ссылаясь на перестройки и утрату первоначального облика. Ростовский областной суд, апелляция и кассационная инстанция **оставили дом в реестре**. Пока процедура сложна и решение можно оспаривать в нескольких инстанциях, у памятника остается шанс.

Дом Оглоблиной в Пскове тоже пока остается памятником – несмотря на то, что вместо второго этажа, окон и крыши от него остались заросшие фрагменты кладки. Но после вступления нового закона в силу судьба таких объектов будет почти целиком зависеть от региональных властей – и их отношений с инвесторами.

– Такие дома могут не представлять большой архитектурной ценности по отдельности, – говорит Алексей Орлов. – Но вместе они показывают, каким был город. Если их не останется, мы потеряем не только дома. Мы перестанем понимать, как все здесь было устроено.

| "Не скрывал, что хочет снести"

Петербургский градозащитник **Михаил Власов** тоже не верит в благие намерения законодателей.

– Они утверждали, что эта мера позволит проще обходиться с памятниками, якобы у нас слишком много памятников, которые уже утрачены, а их никак не исключить из реестра. На самом деле это мера, чтобы избавляться от существующих памятников. До сих пор объект культурного наследия, включённый в реестр, могло снять с охраны только Министерство культуры на федеральном уровне. Это сложный путь для региональных заказчиков, заинтересованных в том, чтобы на его месте построить что-то современное. Сейчас это будет гораздо проще. Для Петербурга это тоже плохой закон, но наибольший беспредел, наверное, будет происходить, в регионах, где нет общественности, где памятники, которые никто не защищает, оставлены один на один с коррумпированными региональными властями и строительным лобби.

В качестве примера Михаил приводит объект культурного наследия регионального значения, деревянную двухэтажную, с башенкой, дачу Шауба на Лахтинском проспекте.

– Она принадлежит бизнесмену Павлу Матвееву, который довёл её до аварийного состояния и не скрывал никогда, что хочет её снести. Это дорогая коммерческая земля рядом с Лахта-центром, которая не может быть использована, поскольку по центру участка стоит эта дача. Опираясь на прошлое законодательство, Матвеев готов был пойти на уступку, типа воссоздать её, передвинув на край участка, а остальное застроить. Это яркий пример того, как новый **закон** может быть использован. Мы уже несколько лет требуем, чтобы дача Шауба была изъята у Матвеева, весной ГИОП нам пообещал инициировать процедуру изъятия 29 августа, когда истечёт срок, предоставленный для проведения противоаварийных работ, которые даже не начаты.

Courtesy Image

Дача Шауба

Дача Шауба на Лахтинском проспекте, 115 – **памятник** деревянного модерна постройки 1913 года. Владимир Васильевич Шауб был председателем второго в России российского теннисного клуба "Клеверный ЛистокЪ", основанного им в 1891 году (первый был основан англичанином А. Веббом в 1888), Здание построено выдающимся петербургским архитектором Василием Васильевичем Шаубом, который создал более 80 особняков, доходных домов и промышленных корпусов в стиле модерн. Наследники Владимира Шауба владели дачей до 1941 года. В 1952 ее отдали совхозу и устроили там коммунальные квартиры для рабочих. В 1997 году дом был признан аварийным. В 2016 его признали памятником регионального значения, КГИОП обязал собственника

законсервировать здание и начать противоаварийные работы, но ничего из этого сделано не было.

За 12 лет собственник довёл здание до необратимой аварийности, несущие конструкции утрачены, дачу придется перебирать, теряя подлинность. В Петербурге и Ленинградской области много таких деревянных и каменных объектов культурного наследия, которые кому-то принадлежат, но стоят брошенными.

– Многие объекты культурного наследия в городах, несмотря на все усилия градозащитников, уже выведены из под охраны. В итоге, деревянные памятники жгут в интересах застройщиков или они сами по себе гниют и разваливаются. Что не сожгут, то разрушат, – говорит градозащитник из Петербурга **Ярослав Родионов**. – Например, дом Салтыковой в Петербурге на Большой Морской. Это было еще недавно сохранное здание. На этом месте решили построить вместо трёхэтажного шестиэтажный объём с подземной парковкой. Вывели из-под охраны дворовые здания, разрешили сносить без воспроизведения. Дом до сих пор не вернулся под охрану, хотя было уголовное дело против чиновников КГИОП, но прокуратура его в суд не пропустила. И это происходило еще в рамках действующего закона. А по новому здание можно было бы просто снять с охраны целиком. В Петербурге градозащитники поднимают шум, а в регионах шуметь некому, особенно там, где есть интересные, чтобы памятник снести. Особенно опасен новый закон для памятников, которые находятся даже не в региональной, а в частной или муниципальной собственности. Обязать собственника восстановить поврежденное здание очень трудно. И собственники, конечно, всеми путями будут пытаться эти здания снять с охраны., чтобы построить какой-то новодел на этой земле.

Дом Салтыковой на Большой Морской в Санкт-Петербурге

| В мутной воде

Сибирский город Томск – один из немногих в России имеет статус исторического поселения федерального значения. Но и это не спасает знаменитые деревянные памятники архитектуры Томска от пожаров и варварского уничтожения. В огне тут уже погибли многие ценные памятники и после каждого пожара в городе говорили о заинтересованных в поджоге застройщиках и аффелированных с ними представителей власти. Но всякий раз поджигателей так и не находили и расследование причин пожара заканчивалось ничем.

Хранители Сибири - Деревянный Томск

Реалии

Radio Free Europe/Radio Liberty is funded in whole or in part by the ...

ДЕРЕВЯННЫЙ ТОМСК

ФИЛЬМ ДАША БЕВЗА

ЛАРИСЫ КОНОВАЛОВОЙ

Watch on YouTube

– Теперь передача права исключения памятников из реестра регионам вообще откроет ящик Пандоры: во всех городах застройщики ринутся снимать памятники с охраны, чтобы их можно было сносить и что-то строить на этом месте, – говорит местный градозащитник **Степан Долгов**. – Наши власти итак не особо рвутся что-то сохранять. Теперь они попробуют подложить какие-то экспертизы – смотрите, а здание-то вообще не имеет никакого исторического или ценного статуса, давайте его уберём и что-нибудь прекрасное построим. Застройщик принесёт в областной комитет экспертизу, а там скажут: "Ну, разве мы можем пойти против мнения эксперта?". Заявка отправится в Минкульт, где, скорее всего, будет поток заявок со всех регионов, я не уверен, что там будут сильно разбираться. Думаю, пойдут на поводу у субъектов федерации, которые будут говорить: "Давайте что-нибудь тут уберём, в Томске слишком много ценных зданий, зачем ещё это хранить?".

При этом в Томске последние годы действует программа "Дом за рубль": предприниматели берут в аренду у города полуразрушенные памятники деревянной архитектуры и землю под ней на 49 лет, при условии реставрации в максимально первоизданном виде без нововдела и бережного отношения к дому в дальнейшем.

Программа "Дом за рубль" в Томске, пример восстановленного памятника архитектуры на улице Фрунзе. Как было и как стало

– Но постоянно идут разговоры застройщиков и инвесторов – как было бы хорошо всё-таки сносить и строить новодел из бетона и обшивать деревом. Но это противоречит самой идее сохранения исторического наследия и действующим для исторических районов ограничениям не только по высоте строительства, но и по материалам. Например, в Томске есть семь выявленных памятников – "достопримечательных мест". Там можно строить только из дерева, либо первый этаж кирпичный, второй деревянный. А у нас пытаются продавить строительство бетонных муляжей.

Примеров сознательного уничтожения памятников застройщиками множество по всей России. На сайте Живого города [рассказывается](#), например, о разрушении объекта культурного наследия регионального значения, дома Шагина (Зыкова) в Петербурге на набережной Фонтанки, 145б, построенного между 1798 и 1806 годами и перестроенного в 1877 инженером-архитектором Дмитрием Знобишиным. Разрушены не только внутренние корпуса, застройщик не хочет сохранить даже фасад, несмотря на многолетнее противостояние с градозащитниками и вмешательство Следственного комитета.

Дом Шагина на набережной Фонтанки, 1456

– А теперь, – комментирует ситуацию петербургская градозащитница **Ольга Миронова**, – можно будет просто подать на исключение памятника из реестра, и этот фасад снесут, не будет никаких дополнительных сложностей. Этим летом уже принято много поправок к 73 Федеральному Закону "Об объектах культурного наследия". Все в некотором шоке от того, что всё меняется довольно радикально. Разрешение регионам исключать памятники из реестра – вишенка на торте, закон принят прямо перед каникулами Госдумы. Но в июне был принят и другой радикальный закон, отменивший государственную историко-культурную экспертизу при согласовании проектной документации на объекты культурного наследия. Раньше она публиковалась в открытом доступе, активисты по всей России могли узнать, что будет с памятником и в каком он состоянии сейчас. Теперь этого не будет. Раньше исключить памятник из реестра было очень сложно, это был многостадийный процесс федерального уровня, даже ради маленького объекта в небольшой деревеньке надо было добраться до Москвы, выше некуда, и редко кто добирался. А теперь сделать это будет намного легче, будет очень много интересантов, которым проще решить всё на месте, договориться с местными властями – мне страшно представить, что тут может начаться.

Один из петербургских активистов, стоявших у истоков градозащитного движения в стране **Игорь Нелюбов**, тоже считает, что закон, позволяющий регионам исключать памятники из реестра, только часть проблемы.

– Последние пять лет идёт жесточайший накат мафии застройщиков на охрану памятников. Атака проводится по двум направлениям – архитектура и археология.

Уже внесен законопроект о лишении РАН права на выдачу и экспертизу так называемых открытых листов (*разрешений на раскопки при строительстве – СР*) и полной отмене предварительных обследований территории на предмет наличия памятников архитектуры, – говорит Нелюбов.

Постановление Правительства РФ № 2418 уже разрешило строить без разведки на глубину до 0,5 метра, теперь строительное лобби пытается превратить эту норму в федеральный закон.

– Такой закон приведет к массовому уничтожению еще не открытых памятников архитектуры. Вообще, впервые за все годы существования современной системы охраны памятников, сложившейся в конце 90-х, происходит такой мощный откат, позволяющий строительному бизнесу развернуться увереннее и безогляднее. Главная угроза – даже не отдельным выдающимся федеральным памятникам, а всей исторической городской среде. Ее могут пусть под нож – и под застройку, – говорит Нелюбов. – К сожалению, слой среднего класса, у которого есть запрос на эту среду, в России выбит волнами террора и эмиграции. И еще: новые законы на редкость бездарно составлены. Все специалисты – в полном шоке от их непродуманности, абсурдности и неопределённости. Как вести согласование, что означает "сохранение содержания"? Ввели новые термины, не обозначив, что за ними стоит. Говорят об авторитетных методических советах – кто их назначает? Кто для кого авторитетен? Целенаправленное лоббирование застройщика – очень плохо, но хотя бы понятно. А тут – никто вообще не понимает правил игры, все оказались в мутной воде.

Этот контент также в категориях

Регионы

Экспертиза.Север